

Вяйнё Таннер

**Зимняя война. Дипломатическое
противостояние Советского
Союза и Финляндии. 1939-1940**

«Центрполиграф»

2003

Таннер В.

Зимняя война. Дипломатическое противостояние Советского Союза и Финляндии. 1939-1940 / В. Таннер — «Центрполиграф», 2003

Книга Вяйнё Таннера освещает историю одной из «малых войн» прошлого века и рассказывает о причинах, приведших Финляндию и Советский Союз к противостоянию в 1939–1940 гг. Автор с неожиданной точки зрения показывает методы советской дипломатической процедуры и закулисы международной политической кухни, основываясь на знании исторических реалий и собственных записях того времени. Большая часть приведенного материала публикуется в российской печати впервые.

Содержание

Предисловие	5
Предисловие автора	7
Часть первая	8
Глава 1	8
Намерения Москвы становятся явными	11
Война стучится в двери Финляндии	17
Глава 2	23
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Вяйнё Таннер

Зимняя война. Дипломатическое противостояние Советского Союза и Финляндии. 1939—1940

Предисловие

Семнадцать лет – краткий миг на весах истории. Но все же, по – новому оценивая этот незначительный промежуток, отделяющий нас от событий, описанных в этой книге, становится все более трудно отделить себя от них. Рассмотренные в должной исторической перспективе, события 1939 года приобретают исключительную значимость для современной истории. Одним из таких событий была Зимняя война. Проследивая драматические моменты этой «малой войны», нельзя отделаться от меланхолической мысли: как коротка общественная память! Растущее поколение вряд ли знает об этом эпизоде истории; снова разорвана связь между настоящим и прошлым, и человек, как и раньше, может продолжать творить глупости. Панорама событий разворачивается с такой головокружительной скоростью, что «текущие кризисы» затмевают кризисы вчерашнего дня, сводя ход истории к ряду несвязанных случайностей. Кто может вспомнить бурное общественное негодование, охватившее Соединенные Штаты, и взрыв эмоций, объявивший нацию от побережья до побережья? Но гневное многословие не могло восторжествовать над явной мощью.

Урок, который дал этот исторический эпизод, представляется важным, хотя новое поколение едва ли знает его. Поэтому вполне понятны чувства историка, когда он проходит путем, восстановленным в мемуарах Вяйнё Таннера, выдающегося гражданина и государственного деятеля Финляндии. Его оценка Зимней войны должна рассматриваться как важная часть трагической истории нашего времени. Будучи в эти военные месяцы министром иностранных дел Финляндии, он смог поднять занавес и пролить луч света на сцену европейской политики недавнего прошлого.

Автор начинает свое повествование с подоплеку войны, когда быстро сгущались тучи грядущего кризиса. Немногие оказались способны различить на темнеющем горизонте надвигающийся мировой конфликт, но даже они были не очень обеспокоены: считали, что если их национальным интересам не угрожает непосредственная опасность, то нет причин поднимать тревогу. Предварительные переговоры, последовавшие за этим три мучительные поездки финской делегации в Кремль живо описаны в мемуарах и дают много материала для раздумий. Все это время бессильная Лига Наций в Женеве пребывала в бездействии. Когда, наконец, она решилась изгнать Советский Союз из своих рядов, эта акция едва ли содействовала достижению мирного решения. Ноты протеста оказались тщетными, а помощь Финляндии оказалась незначительной и запоздалой; она только продлила агонию нации. Финляндии не оставалось другого выхода, как уступить требованиям своего могущественного соседа.

Финская литература о войне весьма обширна; к сожалению, языковые трудности не позволяют студентам – историкам лично ознакомиться с ней. Мемуары господина Таннера представляют собой первый такой опыт на английском языке. Когда мне улыбнулось счастье встретиться с их автором, он предложил мне свою рукопись и великодушно позволил приводить цитаты из нее в моих работах. Ознакомившись с рукописью, я посоветовал ему подготовить его труд для публикации в Соединенных Штатах. Некоторое время он колебался, и мне потребовалось привести немало доводов, чтобы убедить его. Теперь я очень рад своему скромному

вкладу в выход книги, которая по праву займет почетное место в послевоенной исторической литературе. Я искренне надеюсь, что ее прочтут многие люди, она послужит напоминанием о жизненно важном уроке: сохранение мира будет обеспечено только тогда, когда малые нации смогут быть уверены в безопасности, базирующейся на моральном государственном устройстве и эффективном применении закона.

Анатолий Г. Мазур Станфордский университет

Предисловие автора

На первоначальном этапе независимого существования нашего государства финская внешняя политика была обречена путем проб и ошибок отыскивать свой верный курс. Сначала более сильной оказалась прогерманская ориентация. Когда Первая мировая война закончилась поражением Германии, страна стала в большей мере ориентироваться на Западную Европу. Не скоро позиция нейтралитета была признана наиболее верной внешней политикой для небольшой страны. В большой мере этому способствовала необходимость предотвратить возможность конфликтов с нашим восточным соседом – Советским Союзом. Перед Второй мировой войной Финляндия поспешила провозгласить свой нейтралитет в надежде на то, что ей удастся избежать военного несчастья. Несмотря на этот шаг, наша страна все же была втянута в мировую бойню. И первым сражением в ней стала Зимняя война.

Много книг написано об этой войне. В них подробно освещены ее военные аспекты и события на фронте. Но дипломатическая подоплека войны оставалась почти неизвестной широкой общественности. Настоящая книга пытается, пусть и скромным образом, пролить свет на этот аспект событий. В ней представлены материалы переговоров, проходивших накануне начала войны; описаны события, происшедшие за краткое военное время пребывания ее автора на посту министра иностранных дел и на конечном этапе заключения мира. Рассказ этот основывается большей частью на заметках, сделанных мной в то время, но также, в дополнение к ним, на определенных этапах я ссылаюсь и на современные событиям документы, как, например, в начальной части книги, в которой идет речь о предварительных переговорах.

Поскольку мои заметки могут описывать события только так, как их наблюдал лично я, книга, разумеется, не может дать полной картины всей структуры политических событий того периода. Если мне удастся показать политическую деятельность в период Зимней войны, снабдить историков рабочим материалом, то моя книга выполнит свою задачу.

В. Т.

Часть первая

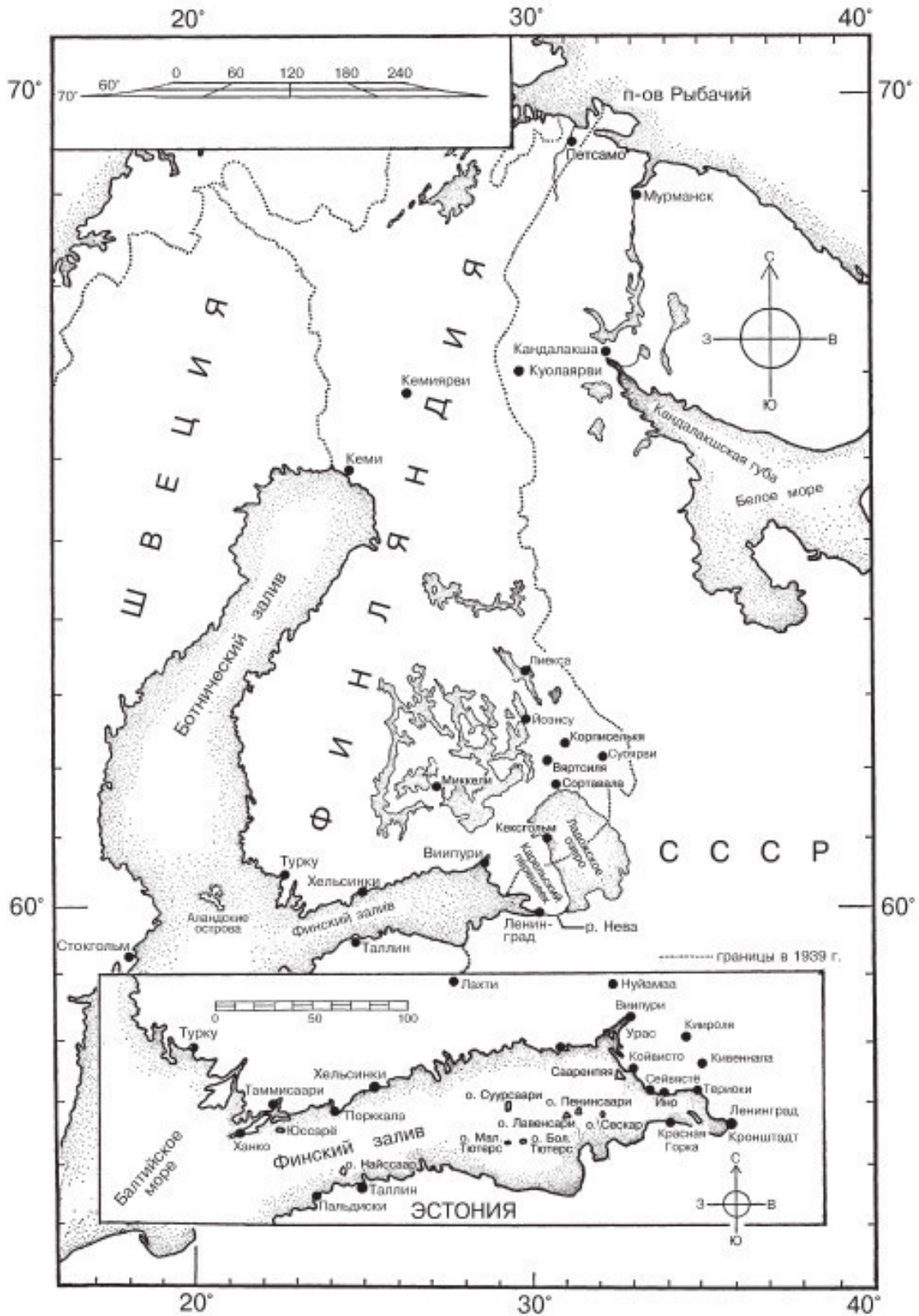
Переговоры

Глава 1

Тучи сгущаются

Предвестием Зимней войны оказалась серия переговоров, которые начались в 1938 году и продолжились в первой половине 1939 года. От лица Советского Союза выступил не министр иностранных дел, а второй секретарь советского представительства в Финляндии Борис Ярцев. Он уже несколько лет работал в Хельсинки и обзавелся значительным кругом знакомств, преимущественно в левых кругах. Он был яркой личностью, с ним было легко обсуждать самые щекотливые темы. О нем говорили, что он является сотрудником ГПУ¹ – такого рода люди имелись в штате всех официальных советских представительств. Его жена, миловидная женщина средних лет, тоже была хорошо известна в столице, поскольку она представляла советское туристическое агентство «Интурист» и занималась организацией экскурсионных и деловых поездок в Россию.

¹ Явная ошибка автора, ГПУ существовало в 1922–1923 гг. Л.П. Берия в 1939 г. был народным комиссаром внутренних дел.

Ранней весной 1938 года Ярцев позвонил по телефону министру иностранных дел Рудольфу Холсти и попросил о личной встрече. Встреча произошла 14 апреля 1938 года. Ярцев предложил министру обсудить некоторые конфиденциальные вопросы, поскольку он получил для этого от правительства СССР самые широкие полномочия. Переговоры должны были про-

ходить в обстановке секретности. Холсти согласился, и Ярцев, начав с текущих вопросов, затем перешел к общеевропейской политической ситуации и положению Финляндии в ней. Он особо подчеркнул, что советское правительство всегда уважало независимость Финляндии и ее территориальную целостность, но в Москве убеждены в том, что Германия вынашивает агрессивные планы против СССР. В соответствии с этими планами перед левым флангом германских армий поставлена задача произвести высадку на территорию Финляндии и с этого плацдарма произвести вторжение в Россию. Поэтому возник вопрос об отношении Финляндии к этим намерениям Германии. Если Германии будет позволено осуществить эти операции, то Россия не станет пассивно ожидать подхода немцев к Раяйоки², а введет свои вооруженные силы на территорию Финляндии.

Если Финляндия воспротивится германской высадке, Россия может предложить Финляндии всю возможную экономическую и военную помощь, приняв на себя обязательства вывести все свои силы из Финляндии после войны.

Ярцев отметил, что Россия готова предложить Финляндии очень выгодное экономическое соглашение. Россия обладает буквально неограниченными возможностями покупать финскую промышленную продукцию, среди которой он выделил целлюлозу и сельскохозяйственную продукцию, главным образом для населения Ленинграда.

Ярцев сообщил о германских планах, предусматривающих осуществление переворота, если финское правительство не пойдет навстречу германским целям, и создание правительства, поддерживающего германские устремления.

В конце беседы Ярцев предложил Холсти вести переговоры по этим вопросам именно с ним.

Холсти ответил, что в его функции входит получение информации от любых лиц, но внешнюю политику государства определяет президент республики, поэтому он не может вести переговоры без санкции президента. Холсти также упомянул о скандинавской кооперации, целью которой было сохранение мира. Он заверил Ярцева, что правительство поддерживает три четверти депутатов парламента, поэтому есть твердая уверенность, что народ одобрит мирную политику правительства.

Холсти поинтересовался, входит ли в предложенную помощь продажа оружия Финляндии. Ярцев заметил, что этот вопрос может быть рассмотрен, если Россия получит от Финляндии гарантии, что Финляндия не будет содействовать Германии в войне против России. На вопрос Холсти, о каких гарантиях идет речь, Ярцев ответил, что их можно обсудить, когда он получит заверения, что Финляндия будет противостоять германскому вторжению.

На этом первое обсуждение закончилось. Из него стало ясно, что советское правительство предчувствует скорое начало войны и ищет возможность обезопасить свой Северный фронт. Больше всего руководство СССР опасалось нападения со стороны Германии. Но дипломатический зондаж был осуществлен столь странным образом, что члены правительства, в том числе министр иностранных дел Рудольф Холсти и премьер – министр А.К. Кайяндер, поначалу не уделили ему то внимание, которое он заслуживал. Мне неизвестно, были ли консультации с другими членами комиссии по внешнеполитическим вопросам кабинета министров, но продолжения переговоров не последовало. Причина заключалась в том, что Ярцев отбыл в Москву, а затем посетил Стокгольм, где обсуждал проблему Аландских островов с министром иностранных дел Швеции Рикардом Сандлером.

² Раяйоки – финское название реки Сестры, по которой проходила граница с СССР.

Намерения Москвы становятся явными

В течение двух месяцев ничего не изменилось, поэтому неофициальные лица взяли на себя инициативу возобновления переговоров. И тогда выяснилось, что Ярцев обсуждал этот вопрос также с секретарем премьер – министра Арво Инкиля, генералом Аарне Сихво, госпожой Хеллой Вуолийоки. Инкиля организовал продолжение обмена мнениями, когда Холсти отправился в Женеву на заседание Лиги Наций с премьер – министром Кайяндером.

Кайяндер дважды принимал Ярцева. Первая встреча состоялась в конце июня 1938 года, на ней обсуждались вопросы общего характера. Вторая произошла 11 июля и продолжалась полтора часа: разговор шел о германском экспансионизме и вероятности того, что в будущей войне Германия захочет получить базы в Финляндии. Кайяндер считал невозможным такое нарушение финского нейтралитета и территориальной целостности. Когда же Ярцев спросил, может ли Финляндия в одиночку отстоять свой нейтралитет, Кайяндер ответил, что во время войны трудно гарантировать что – либо, но Финляндия сделает все возможное. Он также выразил надежду, что Советский Союз будет уважать нашу территориальную неприкосновенность. Ярцев заметил, что если СССР получит гарантии того, что Германии не будут предоставлены базы в Финляндии, то советская сторона не нарушит финский нейтралитет.

Кайяндер затронул вопрос развития торговли, упомянув прежние и безуспешные переговоры по торговым соглашениям. Ярцев признал важность развития торговли, но указал, что прежде необходимо решить все политические вопросы: два государства должны заключить договор. Однако обмен мнениями даже не коснулся его содержания.

В конце встречи советский представитель снова настаивал на абсолютной секретности переговоров. Он напомнил, что получил полномочия от своего правительства конфиденциально обсуждать все вопросы. Лишь после того, как будет достигнуто общее понимание, официальные представители смогут вести дальнейшее обсуждение условий договора.

На этом этапе переговоров Кайяндер сообщил мне о происходящем, учитывая мое участие в комиссии по внешнеполитическим вопросам кабинета министров. Он был озабочен тем, что после нескольких встреч не смог уяснить цели Ярцева. Кайяндер полагал очень важным знать их *конкретно*, и в связи с отсутствием министра иностранных дел он предложил мне встретиться с господином Ярцевым. Я согласился, и 30 июля 1938 года произошла наша первая встреча. Разговор шел вокруг тем, поднятых Ярцевым на предыдущих переговорах, хотя я и старался повернуть обсуждение к рассмотрению развития торговых взаимоотношений. Поскольку не было другого пути достичь прогресса в переговорах, я попросил его представить детальные предложения и получил согласие.

Наша следующая встреча состоялась 5 августа, но обещанные предложения не были представлены, поэтому разговор опять носил общий характер. Я предложил обсудить вопросы организации охраны нашей общей границы и продолжить переговоры по разработке торгового соглашения. Ярцев ответил, что сначала необходимо проработать политические вопросы, и предложил начать переговоры в Москве. Я заметил, что вести переговоры в Москве значительно труднее, потому что они привлекут гораздо больше внимания; кроме того, финские участники переговоров должны быть в постоянном контакте со своим правительством, поэтому Хельсинки гораздо более удобное место для переговоров. Я также остановился на случаях нарушений условий Тартуского мира советской стороной, в том числе приостановке транзитного сообщения по Неве и задержании парохода «Айристо».

Господин Ярцев обещал передать эти вопросы для их решения в свое правительство, он обещал также запросить, могут ли переговоры проводиться в Хельсинки.

После этого мы встретились 10 августа, но снова речь шла о незначительных вещах. Когда я сообщил об этой встрече Кайяндеру, премьер – министр набросал краткие тезисы, кото-

рые следовало устно довести до сведения советского представителя. Смысл тезисов премьер – министра сводился к следующему:

«Постоянно и твердо придерживаясь нейтральной политики северных стран, правительство Финляндии в то же самое время не допустит нарушения финской территориальной целостности, в том числе создания любой великой державой плацдарма для нападения на Советский Союз.

Правительство Советского Союза, уважая территориальную целостность Финляндии, не будет препятствовать усилиям Финляндии, даже в мирное время, осуществлению на Аландских островах таких военных мероприятий, которые наилучшим образом обеспечат нерушимость финской территории и нейтралитет Аландских островов».

Этот ответ был доведен до сведения Ярцева на следующий день, 11 августа. Он вновь упомянул о проведении переговоров в Москве, считая их более благоприятными.

На встрече 18 августа господин Ярцев сообщил следующее (я цитирую по своим заметкам):

«Москва готова принять финскую торговую делегацию, но ограниченный характер правительственных предложений Финляндии в их политическом аспекте дает основание полагать, что на такой основе не будут достигнуты положительные результаты. Для достижения желаемых результатов советское правительство предлагает:

1. Если финское правительство считает, что оно не может заключить секретное военное соглашение, Россия будет удовлетворена письменным обязательством, согласно которому Финляндия будет готова отразить возможное нападение и с этой целью принять советскую военную помощь.

2. Аландские острова. Москва может дать согласие на укрепление Аландских островов, если СССР получит возможность принять участие в их вооружении, а позднее осуществлять наблюдение за использованием оборонительных сооружений, причем оно будет осуществляться в строгой тайне.

3. Кроме того, Москва желает получить согласие финского правительства на оборудование на острове Суурсари укрепленной военно – воздушной и военно – морской оборонительной базы.

На этих условиях СССР готов:

1. Гарантировать неприкосновенность Финляндии в рамках существующих финских границ, в том числе ее морских границ.

2. В случае необходимости содействовать Финляндии вооруженной силой на выгодных условиях.

3. Одобрить выгодное для Финляндии торговое соглашение, которое послужит развитию как сельского хозяйства, так и промышленности». Было дано разъяснение: Советский Союз готов покупать сельскохозяйственные и промышленные товары, в основном продукцию машиностроения, резину, бумагу и целлюлозу. Короче говоря, Москва была готова предложить Финляндии исключительно выгодное торговое соглашение.

О «советской военной помощи» Ярцев пояснил, что это не означает посылку советских вооруженных сил в Финляндию или какие – то территориальные уступки. Москва не желает осложнять положение финского правительства, поэтому здесь имеются в виду снабжение оружием и охрана морских границ.

Когда я заметил, что продажа оружия относится к коммерческим вопросам и зависит от качества и стоимости товара, Ярцев заверил меня, что оружие будет продаваться на выгодных условиях.

На мой вопрос, что понимается под «участием в вооружении» Аландских островов после возведения на них оборонительных сооружений, последовал ответ, что это означает оснащение их необходимым вооружением (артиллерией и т. п.). Это не было бы финансовым содей-

ствием. Присутствие советского наблюдателя на месте возведения фортификационных сооружений является обязательным, так как Россия имеет право знать, что там происходит, и быть уверенной, что оборонительные сооружения не попадут в руки немцев.

Я отметил, что, с моей точки зрения, это предложение вряд ли будет одобрено финским правительством. Тем не менее я обещал довести его до сведения премьер – министра.

На это Ярцев ответил, что сейчас Москва сообщает Финляндии о своих пожеланиях, а формальная сторона договора может быть проработана позже. Сначала нужно выяснить, возможно ли достичь удовлетворяющего обе стороны соглашения. Если это не удастся сделать, то лучше не начинать официальные переговоры. Их провал поставил бы в неудобное положение оба государства.

Я обещал сообщить ему точку зрения финского правительства.

После почти пяти месяцев переговоров мы наконец поняли, чего добивается Советский Союз этими переговорами. Самым важным представлялось оборудование укреплениями острова Суурсаари как бастиона, прикрывающего Ленинград. С целью добиться этой уступки Советский Союз был готов согласиться на строительство фортификационных сооружений на Аландских островах (под своим присмотром), а также начать торговые переговоры, что мы безуспешно пытались сделать до сих пор. По сравнению с этим вопрос о продаже оружия был куда менее важным: его можно было приобрести и в другом месте. Но основой всего должен был стать военный договор между двумя странами. Финляндия должна дать заверения, что в случае угрозы войны она обратится к Советскому Союзу и попросит о военной помощи. Это означало оборонительный пакт, на который Финляндии, ограниченной политикой нейтралитета и скандинавской ориентацией, было бы трудно согласиться. Статус Суурсаари обсуждался во время переговоров по подготовке проекта Тартуского мирного соглашения. В то время Советский Союз занимал позицию, по которой остров должен остаться невооруженным, а финское правительство требовало, чтобы в мирном договоре не содержались ограничения на этот счет. Значение, которое стороны придавали этому вопросу, наглядно иллюстрирует тот факт, что мирное соглашение едва не пошло прахом из – за этой разницы в позициях; финское правительство отказалось от своей позиции только на одиннадцатом часу переговоров. Теперь, напротив, Советский Союз настаивал на строительстве оборонительных сооружений на острове, но уже для своих собственных целей.

Во всяком случае, позиция Советского Союза теперь стала ясна, можно было начинать обсуждение по существу в правительстве и выработать наше отношение к выдвинутым предложениям. В результате правительство заняло по отношению к советским предложениям отрицательную позицию, которую премьер – министр Кайяндер сформулировал следующим образом:

«Предложение СССР направлено на попрание суверенитета Финляндии и противоречит политике нейтралитета, которой Финляндия следует совместно с государствами Скандинавии.

Принципиальным является расширение торговых связей в качестве основы для улучшения добрососедских отношений.

Улучшение отношений на общей границе также будет выгодным для обеих сторон».

Я передал этот ответ Ярцеву 29 августа, он обещал передать его в Москву.

Но вопрос не был этим закрыт: в советской прессе началась атака против Финляндии, поскольку финское правительство отрицательно отнеслось к советским предложениям. Не пришлось прохлаждаться и господину Ярцеву; он хотел получить более обстоятельный ответ. Когда мы снова встретились с ним 15 августа, то еще раз просмотрели изложенные им предложения, и мне пришлось объяснять, что имеет в виду правительство в ответе на каждый конкретный пункт. Пользуясь случаем, я объяснил, что отношение правительства к созданию военных баз было негативным; мы готовы покупать оружие, которое может нам потребоваться,

если его качество и цена устроят нас; что касается строительства оборонительных сооружений на Аландских островах и Суурсаари, то правительство отвергает все предложения СССР, не выдвигая никаких контрпредложений. Именно контрпредложения Ярцев хотел получить.

Я полагал ответ правительства исчерпывающим и ясным, но если Ярцев хотел получить более подробный ответ с возможными контрпредложениями, то его нужно ждать до возвращения министра Холсти, так как составление таких документов не входило в сферу моих полномочий. Поэтому было решено дождаться возвращения Холсти. Это была моя последняя встреча с господином Ярцевым.

Когда в начале октября Холсти вернулся из Женевы, Ярцев возобновил свои визиты к нему. В середине октября Холсти вручил Ярцеву подробный аналитический ответ, в котором было изложено отношение правительства к предложениям СССР. По поводу укрепления Аландских островов Холсти заметил, что во время своего пребывания в Женеве он и шведский министр иностранных дел Р. Сандлер обсуждали этот вопрос с советским комиссаром по иностранным делам Литвиновым, которому они сообщили о совместных планах Финляндии и Швеции в отношении этих островов. Ярцев еще раз обрисовал положение Финляндии в войне, которая может разразиться. Поскольку Финляндия окажется не в состоянии защитить себя, то ей следует положиться на военную помощь Советского Союза. Очертания военного союза стали более ясными, чем прежде. Будущая ситуация с Суурсаари также прояснилась: в случае войны Советский Союз возьмет на себя ответственность за его оборону.

После отставки Холсти 16 ноября 1938 года Ярцев переговорил с исполнявшим обязанности министра иностранных дел Вайнё Войонмаа. Встреча состоялась 21 ноября. В ее ходе Ярцев практически повторил все, что он говорил раньше другим членам правительства, но ближе к концу Ярцев предложил направить в Москву делегацию для обсуждения развития торговли, включив в ее состав представителей для обсуждения политических проблем. В качестве удобного повода он предложил воспользоваться тем обстоятельством, что 6 декабря 1938 года в Москву направится делегация для открытия нового здания финского посольства. Министр Войонмаа обещал представить эти предложения правительству.

Дальнейшие переговоры действительно состоялись в Москве, но в весьма скромном масштабе. Войонмаа сообщил Ярцеву, что в Москве посол А.С. Ирвё – Коскинен, а также руководители аппарата посольства У. Тойвола и А. Пакаслаhti уполномочены представлять финское правительство. На церемонии открытия нового здания посольства Ярцев сообщил Тойволе, что члены делегации смогут на следующий день, 7 декабря, встретиться с высокопоставленным членом советского правительства, имя которого он, однако, не назвал. Когда члены финской делегации прибыли в назначенное место, выяснилось, что членом правительства, который принял их, оказался народный комиссар внешней торговли Микоян. Народный комиссариат по иностранным делам не участвовал в этой встрече. Поэтому Ирвё – Коскинен решил, что его положение министра иностранных дел обязывает его уклониться от переговоров. Финляндию в кабинете Микояна представляли Тойвола и Пакаслаhti.

Члены финской делегации предложили обсудить меры, которые можно предпринять для развития торговых отношений, что было вполне уместно, поскольку они встретились с народным комиссаром по внешней торговле. Комиссар Микоян выразил свое удовлетворение тем, что он имеет возможность обсудить этот вопрос с представителями финского министерства иностранных дел. Тем не менее он заметил, что для поднятия оборота внешней торговли на сколько –нибудь значительный уровень должны быть созданы политические предпосылки. С этого момента обсуждение снова пошло так, как это было в Хельсинки. Особо была выделена важность Суурсаари как оборонительного форпоста для Ленинграда. У финских участников переговоров сложилось впечатление, что вопрос Суурсаари был для Советского Союза самым важным. Лишь к концу двухчасовой встречи стороны вернулись снова к торговым вопросам. Было решено, что ряд лиц, представляющих финские торговые и промышленные интересы,

вечером того же дня получают возможность высказать Микояну свои предложения. Вопросы политического характера во время этой встречи не должны были затрагиваться. С точки зрения Микояна, политические вопросы следовало обсуждать после выработки мер по поощрению торговли, решения приграничных и других текущих вопросов практического характера.

Такие торговые переговоры состоялись вечером того же дня в кабинете Микояна. Финляндию на них представляли Ирjö – Коскинен, министр путей сообщения и связи Вяйнё Саловаара, а также несколько человек из финских торговых и промышленных кругов. В разговоре с ними Микоян снова отметил важность политических отношений как предпосылки для торгового обмена. Естественно, никаких решений принято не было.

Эта встреча может рассматриваться как конечный пункт, достигнутый на первом этапе переговоров.

Второй этап переговоров открылся только несколько месяцев спустя. 5 марта 1939 года Литвинов, народный комиссар иностранных дел, пригласил к себе Ирjö – Коскинена и передал ему меморандум, содержание которого представляло собой следующее.

Два важных вопроса – улучшение торговых отношений и строительство оборонительных сооружений на Аландских островах – по – прежнему ждут своего решения. С целью создания благоприятной атмосферы Советский Союз предлагает Финляндии сдать в аренду СССР острова Суурсаари и Лавенсари, архипелаг Тютерс и остров Сескар сроком на тридцать лет. Советский Союз не предполагает возводить на них оборонительные сооружения и будет использовать как прикрытие на подступах к Ленинграду. Если финское правительство даст свое согласие, то отношения между нашими странами значительно улучшатся, что скажется и на торговых отношениях. Советский Союз рассчитывает на скорый ответ финского правительства.

Ответ финского правительства был направлен Литвинову уже 8 марта. Правительство, в котором портфель министра иностранных дел с декабря 1938 года принадлежал Эльясу Эркко, заявило, что не может рассматривать сдачу в аренду этих островов иностранному государству, поскольку они представляют неотъемлемую часть финской территории, что закреплено мирным договором, заключенным в Тарту. Острова получили статус нейтральной зоны именно по настоянию Советского Союза, и на них не ведется никаких оборонительных работ. Финляндия могла бы изменить их нейтральный статус только после специального обсуждения этого вопроса.

Литвинов был весьма разочарован таким ответом. Как он заметил, Советский Союз предложил сдачу в аренду этих островов без нарушения их нейтрального статуса, поскольку не предполагается строительства на них оборонительных сооружений. Теперь он предложил обменять острова на соответствующую территорию в Восточной Карелии.

На новое предложение Финляндия дала отрицательный ответ 13 марта, но Литвинов заявил, что не может рассматривать этот ответ в качестве окончательного.

Обмен мнениями состоялся очень быстро, в течение одной недели.

Получив последний ответ Финляндии, Литвинов заметил, что посол Штейн, назначенный представителем в Рим, а до этого посланник в Хельсинки, посетит Финляндию с целью обсудить эти вопросы с финским правительством. Штейн вступил в переговоры с министром иностранных дел Эркко и предложил заключить соглашение об аренде островов, в течение срока которой Финляндия будет иметь право разрабатывать лесные угодья в Восточной Карелии.

Эркко ответил, что, коль скоро территория Финляндии согласно ее конституции является неотчуждаемой, вопрос не подлежит обсуждению. Германия тоже могла бы претендовать на некоторые острова в качестве наблюдательного поста, и Финляндия также не может на это пойти.

На просьбу Штейна еще раз обдумать этот вопрос 20 марта Литвинову через Ирью – Коскинена было сообщено:

«Финское правительство не может вести обсуждение вопроса, результатом решения которого окажется отчуждение тем или иным образом части территории в пользу другого государства. Настоящий отрицательный ответ не следует понимать в том смысле, что министр иностранных дел не намерен продолжать обмен взглядами с целью достижения решения вопросов, поднятых Советским Союзом с целью гарантий его безопасности».

Литвинов выразил сожаление в связи с получением отрицательного ответа и сказал, что советская сторона ожидает конкретных предложений по вопросу гарантий. Но Эркко был тверд в своей позиции. Он показал Штейну проект ноты, в которой утверждалась решимость Финляндии отстаивать свой нейтралитет при любых обстоятельствах. Штейн объяснил, что советское правительство не может придать такому документу существенного значения, если не предпринимаются шаги по выполнению дополнительных мер. Пользуясь случаем, он показал на карте область, которую Советский Союз предлагал в обмен за острова, общая площадь которых составляла всего 183 квадратных километра.

Перед отъездом из Финляндии посол Штейн сказал Эркко, что Советский Союз не может принять отрицательный ответ Финляндии, как не может и отказаться от притязаний на острова в Финском заливе, поскольку они имеют громадное стратегическое значение для безопасности Советского Союза.

Это был последний этап длившихся около года переговоров о гарантиях Финляндии в укреплении безопасности Советского Союза; переговоры о торговом соглашении также были прерваны. Кроме того, Советский Союз не дал своего согласия на возведение оборонительных сооружений на Аландских островах.

Эти переговоры продемонстрировали, что Советский Союз настойчиво требует от Финляндии согласиться на определенное ограничение ее прав в использовании своей территории, а Финляндия с равным упорством противится выдвинутым предложениям. После войны, когда Финляндия была обязана, на основании нового договора, уступить гораздо большую территорию, финская позиция 1938–1939 годов была подвергнута критике. И все же в тот период другой подход к проблеме вряд ли был возможен. Пока существует вера в международное право и обязательный характер подписанных договоров, не допускается возможность того, что великое государство станет притязать под угрозой применения силы на обладание территорией другого государства. Финский парламент не позволил бы себе принять предложения такого рода, если бы правительство вынесло их на его рассмотрение. Неизвестно, предотвратили бы уступки, сделанные на этой стадии, предъявление новых требований. В самом деле, в ходе переговоров советские притязания увеличивались, а не сближались с финской позицией.

Требования СССР, предъявленные в ходе этих переговоров, не были представлены на рассмотрение парламенту. Возможно, долгом правительства было сделать такой шаг, поскольку переговоры имели решающее значение для будущего страны, а также определяли состояние войны или мира. Но советские участники постоянно делали акцент на том, что переговоры должны оставаться конфиденциальными и секретными. Это мнение было еще раз подчеркнуто народным комиссаром внешней торговли Микояном. Финское правительство не считало возможным нарушить условие о конфиденциальности переговоров, и по этой причине они не были вынесены на рассмотрение парламентской комиссии по внешнеполитическим вопросам.

Таким образом, финское правительство отклонило предложения, выдвинутые Советским Союзом, которые могли нарушить политику нейтралитета, которой она следовала. Описанный ниже инцидент, который произошел весной того же 1939 года, наглядно демонстрирует, что правительство соблюдало те же принципы и в отношении предложений, полученных от других стран.

Фон Риббентроп, германский министр иностранных дел, предложил 28 апреля финскому послу в Берлине Аарне Войонмаа заключить между нашими странами пакт о ненападении. Несколькими днями позже посольство получило проект такого пакта. Тогда Германия сделала аналогичные предложения целому ряду стран, включая три скандинавских государства. По инициативе шведского правительства министры иностранных дел Скандинавских стран собрались в Стокгольме, чтобы обсудить эти предложения. В процессе взаимных консультаций 9 мая была выработана резолюция, в которой констатировалось, что Скандинавские страны желают остаться в стороне от любых блоков, которые могут возникнуть в Европе. Министры иностранных дел особо подчеркнули надежду своих стран, что все государства будут уважать их нейтралитет так же, как они уважают неприкосновенность других государств.

Финское правительство ответило на германское предложение 16 мая, выразив свое удовлетворение тем, что Германия намеревается уважать неприкосновенность и независимость Финляндии. Поскольку Финляндия стремится быть в стороне от блоков, чтобы избежать втягивания в возможную войну, она считает предложенное соглашение излишним, поскольку не сомневается в заинтересованности Германии в сохранении сложившихся отношений с северными странами.

Швеция и Норвегия также не приняли германское предложение. Дания заключила с Германией пакт о ненападении, но это не остановило Германию от вторжения в Данию ровно год спустя.

Война стучится в двери Финляндии

Переговоры, которые были описаны в предшествующей главе, не были отдельным феноменом; они были самым тесным образом связаны с общей напряженностью в европейской политике.

В то время как переговоры между Финляндией и Советским Союзом шли то в Хельсинки, то в Москве, европейский политический горизонт быстро темнел. Политика гитлеровской Германии стала принимать куда более угрожающий характер, чем когда – либо ранее. В марте 1938 года ее войска вступили в Австрию, где был установлен национал – социалистский порядок. Затем Германия взбудоражила мир чехословацким вопросом. Это был вопрос этнических немцев, проживавших в западной и северной областях Чехословакии, так называемых судетских немцев. В ходе пропагандистской войны Германия заявила, что они подвергаются репрессиям, и потребовала, чтобы эти области были присоединены к Германии. Англия и Франция вмешались в конфликт. Британский премьер – министр Невилл Чемберлен совершил три поездки в Германию со своим неизменным зонтиком: в Берхтесгаден³, Родесбери и, наконец, в Мюнхен, чтобы урегулировать вопрос лично с Гитлером. Во время последней встречи, на которой также присутствовал французский премьер Эдуард Даладье, 30 сентября 1938 года было подписано злополучное Мюнхенское соглашение. Регион, населенный судетскими немцами, был включен в состав Германии без единого выстрела. Но «умиротворение» сработало на короткий промежуток времени. Полгода спустя Германия выдвинула требование ликвидации всей Чехословакии. После драматичных полночных переговоров между Гитлером и пре-

³ Берхтесгаден – город на юго – востоке Баварии, недалеко от австрийской границы, где находилось высокогорное убежище Гитлера – Бергхоф.

зидентом Чехословакии Эмилем Гахой Германия 15 марта 1939 года вторглась своими танковыми дивизиями в Чехословакию, которая прекратила свое существование как независимое государство. Теперь стало ясно, что начало войны представляет собой только вопрос времени.

Угроза войны усилилась, и великие государства осознали, что Советский Союз может занять важную позицию в раскладе сил. Не позднее марта 1939 года Франция и Англия начали переговоры с Советским Союзом о сотрудничестве против Германии. Не очень много сведений об этих переговорах доходило до нас из Москвы. Но кое – что удалось узнать: Советский Союз требует включить в договор положение, в соответствии с которым малые страны, и среди них Финляндия, должны получить гарантии союзных великих государств на случай нападения. В случае таких «гарантий» резко возрастала вероятность вмешательства во внутренние дела малых государств, вплоть до оказания военной помощи без их просьбы (то есть оккупация); и это предложение вызвало большое беспокойство в Финляндии и в других странах. В конце концов договор о союзе между западными государствами и Советским Союзом не был заключен; возможно, именно вопрос о гарантиях и стал одной из причин срыва переговоров.

Тогда произошло изменение в советском руководстве иностранными делами. Вместо Литвинова народным комиссаром по иностранным делам стал Молотов. Это было воспринято как сдвиг во внешней политике Советского Союза.

В то самое время, когда страны Запада участвовали в переговорах в Москве, Советский Союз вел переговоры с Германией. Для всего мира стало полной неожиданностью, когда он узнал 23 августа 1939 года, что Германия и Советский Союз подписали пакт о ненападении и процедуре улаживания разногласий. Мне случилось в тот момент быть в Осло, где я участвовал в конференции лейбористских партий Скандинавских стран. Первоначальное отношение к этой новости у всех было почти ироническим. Бывшие заклятые враги, коммунисты Советского Союза и национал – социалисты Германии, стали союзниками! Это казалось поводом для многочисленных насмешек; никто представить себе не мог, какие зловещие последствия принесет это соглашение. Возвращаясь поездом в Стокгольм, я разговорился с Густавом Мёллером, в то время министром труда Швеции, и мы не нашли никакого рационального объяснения такому поразительному шагу. В Финляндии же публикации о пакте поначалу никого не озаботили. Напротив, господствовало мнение, что теперь сохранение мира дело решенное, если два могущественных соседа заключили союз.

Но не прошло и недели после подписания, как стало ясно, что является целью этого пакта. Пакт открыл перед Германией возможность начать войну против Польши, не опасаясь ведения войны на два фронта. Предметом разногласий стал Данцигский коридор⁴. Страны Запада гарантировали Польше неприкосновенность, но 1 сентября германская армия перешла польскую границу. Третьего сентября Англия и Франция объявили войну Германии, хотя не обладали реальной возможностью оказать помощь Польше. Сопротивление Польши было сломлено за несколько недель.

Сразу после начала войны финское правительство опубликовало декларацию о нейтралитете, утверждая, что намерено следовать политике полного неучастия в войне. Декларация была сначала выпущена от лица Финляндии, а затем совместно со Скандинавскими странами.

Советский Союз хранил нейтралитет две недели, но 17 сентября он направил войска в восточную часть Польши. В тот же день народный комиссар иностранных дел Молотов вручил Ирё – Коскинену, финскому послу в Москве, уведомление о том, что в своих отношениях с Финляндией Советский Союз будет следовать политике нейтралитета. По этому случаю министр иностранных дел Эркко заявил через финское агентство новостей, что это уведом-

⁴ Данцигский коридор (также Польский коридор) – название полосы земли, полученной Польшей по Версальскому мирному договору 1919 г. и дававшей ей доступ к Балтийскому морю.

ление воспринято в Финляндии «с большим удовлетворением», «оно находится в гармонии с духом мирного и дружественного обмена мнениями, который Финляндия проводит с народным комиссаром иностранных дел». Финляндия надеялась избежать войны.

В качестве доказательства атмосферы доверия, которым была наполнена финская жизнь даже в конце лета 1939 года, следует упомянуть тот факт, что я готовился представить на рассмотрение парламента проект бюджета на следующий год, составленный обычным образом. Правительство пребывало в уверенности, что в Европе сохранится мир, будет продолжаться только «война нервов», которая велась уже в течение целого года. Но 8 сентября, когда я проносил перед парламентом бюджетное послание, ситуация полностью изменилась. В своей речи я сказал о том, что из-за разразившейся войны и резкого сокращения в связи с этим объема внешней торговли государственные доходы значительно сократятся, а поэтому и расходы должны быть соответственно сокращены. Я выразил надежду, что сокращение будет осуществлено по договоренности с правительством. Но оппозиция открыла по правительству огонь из всех орудий, обвинив его в некомпетентности при составлении бюджета. Правительство, по ее мнению, не приняло во внимание то, что мы находимся на пороге войны – как будто момент ее начала можно заранее определить! На это можно было возразить, что если оппозиция была в этом уверена, то ей следовало предупредить правительство заранее. Но теперь проект бюджета должен был быть пересмотрен. Вместе с Дж. В. Минни, советником министерства финансов, курировавшим вопросы бюджетной политики, мы посвятили две недели переработке всех статей бюджета. Нам удалось найти возможность сократить государственные расходы более чем на 700 миллионов марок. Эти предложения по сокращению были представлены на рассмотрение финансовой комиссии парламента. С целью компенсации уменьшившихся таможенных поступлений правительство обязало представить предложения по увеличению налоговых поступлений.

Тот же дух самоуверенности, если не сказать беззаботности, царил в отношении наших оборонных мероприятий. Не далее как в 1935 году, насколько я помню, была одобрена программа закупок, призванная заполнить самые вопиющие пробелы в армейском имуществе. Согласно этой программе начиная с 1938 года предполагалось израсходовать общую сумму в 1158 миллионов марок для приобретения армейского имущества. Но скоро стало ясно, что эта сумма недостаточна, поэтому в 1937 году была образована новая комиссия по делам армейского имущества для разработки специальной программы. По рекомендации правительства парламента в мае 1938 года одобрил новую программу приобретения имущества для армии, согласно которой должна была быть ассигнована общая сумма в 2710 миллионов марок на приобретение в 1938–1944 годах армейского имущества и другие оборонные нужды. Из этой суммы 460 миллионов марок приходилось на 1938 год; на 1939–1943 годы выделялось по 400 миллионов ежегодно; а на 1944 год – 250 миллионов. Проект был принят и стал законом. Но из предусмотренных им сумм лишь небольшие средства были использованы к сентябрю 1939 года, так что армия была лишена совершенно необходимого ей имущества в то время, когда она в этом особенно нуждалась.

Но все же были сделаны попытки принять во внимание неопределенную политическую ситуацию: весной 1939 года парламента принял несколько законов, вызванных предвидением возможного начала войны. Среди них следует упомянуть законы о национальной безопасности, об обязательном труде, о гражданской обороне и об интенсификации оборонной готовности в военное время.

Но вернемся к событиям на поле внешней политики.

После поражения Польши государства Балтии направили своих министров иностранных дел в Москву для переговоров, все они заключили договоры о дружбе и взаимопомощи с Совет-

ским Союзом. Эстония заключила такой договор 28 сентября 1939 года, гарантировав предоставление Советскому Союзу морских и авиационных баз. Латвия подписала подобный договор 5 октября, а Литва – 11 октября. По этому договору Литва обрела вожделенный ею город Вильнюс, который Советский Союз только что захватил у Польши; но взамен Литве пришлось гарантировать Советскому Союзу предоставление военных баз.

Требования, предъявленные странам Балтии, быстрое их подчинение вызвали большое беспокойство в Финляндии. Были основания полагать, что Финляндии не удастся избежать аналогичных требований; у Советского Союза, после заключения пакта с Германией, руки оказались развязаны, а другие великие державы погрязли в войне. Недолго оставалось ждать стука в дверь Финляндии. Пятого октября народный комиссар иностранных дел Молотов позвонил Ирью – Коскинену, финскому послу в Москве, и сообщил ему, что Советский Союз получил ноту финского правительства, свидетельствующую о его желании развивать отношения между нашими странами, как политические, так и экономические. Поскольку международная ситуация с началом войны изменилась, советское правительство хотело бы обменяться взглядами с правительством Финляндии на некоторые политические вопросы. Он выразил надежду, что финский министр иностранных дел сможет посетить Москву для их обсуждения или финское правительство уполномочит другое лицо для этих целей. На вопрос Ирью – Коскинена, не может ли народный комиссар более конкретно определить, какие политические вопросы он имеет в виду, Молотов не ответил, но добавил, что советское правительство надеется на организацию таких переговоров как можно быстрее, поэтому просит дать ответ в течение нескольких ближайших дней.

Когда 6 октября это заявление дошло до правительства, оно вызвало озабоченность, потому что никакой информации о «некоторых политических вопросах» не было. Читающая газеты публика также была встревожена маловразумительной заметкой, опубликованной 7 октября:

«Как сообщил министр Эркко в своем заявлении финскому агентству новостей 18 сентября, имели место переговоры между Финляндией и Советским Союзом по дипломатическим каналам относительно различных вопросов политического и экономического характера. В настоящее время Советский Союз предложил финскому правительству направить специального представителя в Москву для обсуждения вопросов текущего характера; финское правительство рассматривает этот вопрос».

С самого начала было ясно, что придется принять это приглашение. Было решено действовать как можно осторожнее, не обращая внимания на требование немедленного ответа. Очень скоро стало ясно, что Советский Союз и в самом деле считает вопрос крайне срочным. Седьмого октября Молотов стал настаивать на ответе. На следующий день Деревянский, советский посол в Хельсинки, позвонил Эркко, чтобы сказать, что у него есть весьма важная информация для министра. Он сообщил, что Москва буквально «кипит от негодования», поскольку ответ до сих пор не получен; что отношение Финляндии к приглашению разительно отличается от реакции на него стран Балтии: это может отрицательно влиять на двухсторонние отношения. Эркко ответил, что не знает, как вели себя страны Балтии, но финское правительство не затягивает подготовку ответа; оно ведет себя в соответствии с ситуацией. Из разговора стало понятно, что Советский Союз намеревается поднять во время переговоров такие же вопросы, что и со странами Балтии. Советский Союз желал установить в Балтийском регионе такое положение дел, чтобы защитить себя и своих соседей от превратностей войны.

Молотов выразил пожелание, чтобы в Москву приехал сам министр иностранных дел. Но Эркко не был расположен к поездке, поскольку, как он сказал иностранным журналистам, «место министра иностранных дел – в правительстве страны». Для этой миссии он полагал

назначить государственного советника Паасикиви⁵, который в то время был послом в Стокгольме. Тот согласился ехать, и это стало началом его деятельности в сфере советско – финских отношений.

Необходимо было подготовить инструкции для делегации, которую предстояло направить в Москву. В соответствии с общим смыслом этих инструкций делегация должна была отметить, что проблемы между Финляндией и Советским Союзом урегулированы заключенным между нашими странами договором о мире; в дополнение к нему договор о ненападении, к разработке которого обе страны приступили, создаст основу для наших политических взаимоотношений. Целью и главным смыслом финской внешней политики является поддержание дружеских отношений со всеми своими соседями. Финляндия находилась и продолжает находиться в теснейших отношениях взаимопомощи с другими Скандинавскими странами, которые занимают такую же позицию, как и она. Для Финляндии важны два принципа фундаментального характера: укрепление мира и безусловное стремление сохранять ясную позицию во время всех дебатов. В доказательство своей приверженности политике нейтралитета Финляндия всегда уведомляет обо всех своих решениях, что позволит ей защищать свой нейтралитет даже силой оружия.

Такие принципы вынуждали участников переговоров с финской стороны с самого начала переговоров к отрицательному отношению к тем предложениям, которые нарушили бы политическую позицию Финляндии или ее политику нейтралитета. Если бы Советский Союз сделал предложения, затрагивающие территориальную неприкосновенность Финляндии или ее суверенитет, участники переговоров должны были бы заявить, что не уполномочены решать вопросы, которые противоречат национальной конституции; в соответствии с парламентской системой, существующей в Финляндии, прерогативой парламента и правительства является принятие или отклонение соглашений, на которых настаивает Советский Союз.

Участники переговоров не имели полномочий вступать в дискуссию по поводу предоставления военных баз или предложений, касающихся изменения линии границы на Карельском перешейке. С другой стороны, уступка некоторых островов в Финском заливе при территориальной компенсации в другом месте могла быть рассмотрена. Соглашение о взаимной помощи между Финляндией и Советским Союзом также не могло обсуждаться.

В час ночи 9 октября в Москву было сообщено, что Финляндия направляет Паасикиви в качестве своего представителя. Днем 9 октября президент республики утвердил инструкции, которым должны были следовать участники переговоров.

На случай возможного внезапного нападения, через день, 10 октября из резерва были призваны военнообязанные для прохождения «чрезвычайного обучения». Это означало частичную мобилизацию.

Были приняты и другие меры. Министр внутренних дел Кекконен сделал 10 октября заявление, в котором обратил внимание своих сограждан на серьезность ситуации и призвал городское население перебраться на жительство в менее опасные местности. В тот же день была проведена учебная воздушная тревога и затемнение в Хельсинки.

Эти мероприятия имели значительное влияние на общественное мнение. Люди осознали, что им угрожает одна и та же опасность. Разница во мнениях, которая разделила нацию во время июльских выборов, была забыта перед лицом мрачных обстоятельств. Расширился социальный состав правительства – 13 октября два члена Шведской народной партии вошли в социал – демократическое правительство Кайяндера: доктор Дж. О. Сёденхельм в качестве

⁵ Паасикиви Юхо Кусту (1870–1956) – премьер – министр Финляндии в 1918–м и 1944–1946 гг., с 1946 г. президент. После Второй мировой войны содействовал нормализации советско – финляндских дружественных отношений («линия Паасикиви – Кекконена»).

министра юстиции и барон Эрнст фон Борн, ставший министром без портфеля. Позднее, когда ситуация стала более серьезной, социальный состав правительства стал еще шире.

Когда я выступал в Рабочем доме в Хельсинки 8 октября по случаю сороковой годовщины социал – демократической партии, большая часть моей речи была посвящена самым последним событиям; нужно было донести до собравшихся мысль о необходимости единодушия. Поэтому я сказал:

«В наши дни перед лицом грядущих событий чрезвычайно важно для всех людей обрести единодушие. Разница во мнениях, которая, вплоть до настоящего времени, была основной чертой нашей общественной жизни, должна быть отложена до лучших времен. Разница эта, в свете последних событий, чересчур незначительна, когда перед нашей страной может стать вопрос о ее независимости и будущем существовании. Когда нам всем угрожает опасность, мы не можем позволить себе подобных разногласий».

Глава 2

Первая поездка в Москву

Паасикиви отправился в свою первую поездку в Москву вечером 9 октября. В своем портфеле он вез инструкции, утвержденные президентом. Й. Ньюкопп, начальник отдела министерства иностранных дел, и полковник А. Паасонен сопровождали его в качестве советников. На место назначения они прибыли 11-го числа. На этот день, однако, никаких переговоров запланировано не было.

Первая встреча с участниками переговоров с советской стороны состоялась в кабинете народного комиссара иностранных дел в Кремле в 17 часов 12 октября. С финской стороны присутствовали Паасикиви, Ирjö – Коскинен, Ньюкопп и Паасонен; Советский Союз представляли Сталин, Молотов, Потемкин и Деревянский. Финские участники переговоров услышали устное заявление о том, чего Советский Союз ожидает от Финляндии. Советские представители сослались на состояние войны в Европе и заявили, что жизненные интересы Советского Союза требуют, чтобы никакой враг не мог проникнуть в Финский залив. На юге залива эти интересы Советского Союза обеспечены договором с Эстонией, но подобной гарантии на севере залива не существует. Было предложено, чтобы Финляндия согласилась заключить локальный договор о взаимопомощи в обеспечении безопасности Финского залива. Потом разговор коснулся необходимости военной базы на побережье Финляндии, в связи с чем был упомянут полуостров Ханко в качестве возможного места ее дислокации. Кроме того, Финляндию призвали уступить полуостров Рыбачий вплоть до Мааттиуоно. С целью защиты Ленинграда граница между странами должна быть отодвинута до линии Куолемайярви – Кююрюла – Муолаа – Липола. Финляндия также должна была уступить острова в Финском заливе, в том числе Суурсари и Койвисто⁶. В качестве компенсации Советский Союз был готов предоставить территорию в Восточной Карелии, по площади много большую, чем уступаемые районы. Чтобы избежать лишних трудностей, советская сторона решила не поднимать вопрос об Аландских островах.

Финские представители заявили, что они категорически против заключения договора о взаимопомощи, а по поводу территориальных уступок сообщили, что Финляндия не может отказаться от неприкосновенности своей территории.

Когда первая встреча закончилась, Паасикиви по телеграфу известил правительство в Хельсинки о советских требованиях, запросив дальнейшие инструкции. В ответ он получил директивы, смысл которых сводился к следующему.

Финляндия не может согласиться на договор о взаимопомощи и не может предоставить какие – либо базы. Полуостров Рыбачий чрезвычайно важен для Финляндии, поскольку Петсамо является единственным незамерзающим портом страны, в развитие которого она вложила громадные средства. По этой причине Финляндия хотела бы запросить у Советского Союза принадлежащую ему половину полуострова Рыбачий в качестве компенсации за возможные уступки с ее стороны. Что касается острова Суурсари, то следует вывести его за рамки обсуждения, чтобы решить его судьбу после определения судьбы других островов в Финском заливе. Острова Сомеро и Нарви имеют важное значение для финского судоходства, но не представляют военного интереса для Советского Союза. Новая линия границы на Карельском полуострове, предложенная Советским Союзом, неприемлема с финской точки зрения, поскольку ставит Финляндию в весьма опасное положение.

⁶ Койвисто – название города Приморска до 1944 г.

Следующая встреча была назначена на 14 октября. За это время Паасикиви получил из Хельсинки дополнительные инструкции. Встреча началась в 16.30 и закончилась в 19.00.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.